

О.И. Образцова

Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Москва

А.Ю. Чепуренко

НИУ ВШЭ / ФНИСЦ ИС РАН, Москва

Предпринимательская активность в России и ее межрегиональные различия

Аннотация. В статье на данных статистики малого и среднего предпринимательства и бизнес-статистики проанализированы динамика предпринимательской активности населения России с 2005 г. до настоящего времени, а также устойчивые различия в ее уровне между разными группами субъектов РФ. Установлено, что в России до начала шоковых макроэкономических изменений, связанных с пандемией коронавируса, выделялись три типа регионов, отличающихся специфическими наборами факторов, способствующих и препятствующих развитию предпринимательской активности населения, — (а) шесть субъектов РФ с благоприятными условиями, а также две примерно равных по численности больших группы (б) регионов с низким уровнем инвестиционной активности и (в) с высоким уровнем социально-экономического неблагополучия. Проанализированы наборы факторов, которые выступают предикторами или ограничениями для предпринимательской активности в регионах. Авторы предполагают, что под влиянием шоковых изменений в экономике в условиях пандемии коронавируса две последние группы практически сольются по условиям и факторам предпринимательской активности, а значимые для начала предпринимательской деятельности факторы в первой группе регионов существенно ослабеют. С учетом выявленных различий, предлагается два подхода к содействию предпринимательской активности для этих различных групп регионов: «вовлекающие» — для шести субъектов РФ с относительно развитой экосистемой предпринимательства и «толкающие» — для большинства остальных.

Ключевые слова: предпринимательская активность; предпринимательский старт; межрегиональные сопоставления.

Классификация JEL: C490, J130, M130, M290, R120, R130.

DOI: DOI: 10.31737/2221-2264-2020-46-2-12

1. Введение

Россия уступает почти всем трансформационным экономикам по уровню ранней предпринимательской активности (ПА, Total early-stage Entrepreneurial Activity, TEA) населения, которая в 2019 г. составила 9,33%¹, и по плотности предприятий малого бизнеса: на 10 тыс. жителей в 2018 г. приходилось в среднем 181 малое и среднее предприятие (МСП) (Росстат, 2019). Так, например, в Польше этот показатель, по нашим расчетам (также на 10 тыс. жителей) в 2017 г. составлял 548, в Германии — 338, в Эстонии — 681 МСП (Eurostat, 2020a, 2020b). При этом еще одной особенностью нашей страны является высокий уровень различий в уровне предпринимательской деятельности (ПД) и плотности МСП между субъектами РФ — например, в 2018 г. среднее число МП на 10 тыс. жителей варьировало от 20 на

Северном Кавказе до 427 в Санкт-Петербурге (Росстат, 2019). Однако анализу внешних и внутренних факторов наблюдаемых межрегиональных различий интенсивности предпринимательского старта и их учету в политике уделяется пока мало внимания (Барина и др., 2018; Земцов, Бабурин, 2019).

В указанных обстоятельствах представляется необходимым провести анализ факторов, которые влияют на оценку населением условий для предпринимательского старта в регионе проживания и, следовательно, определяют интенсивность развития в нем малого бизнеса.

2. Базовые теоретические предпосылки анализа

В теории предпринимательства общепризнанным является тезис о том, что пред-

¹ <https://www.gemconsortium.org/data>

принимательская деятельность может быть лучше понята в конкретных контекстуальных условиях (Welter, 2011).

Под контекстуальными условиями при этом подразумевают взаимосвязанную систему таких внешних параметров рамочных условий предпринимательской деятельности (РУПД), как уровень экономического развития, социально-культурные, демографические и иные особенности, в частности, позиция исполнительной власти по отношению к предпринимателям и изменение всех этих характеристик с течением времени (Aidis et al., 2008; Zahra et al., 2014). В последнее время внутренняя связанность регионального контекста все чаще рассматривается через призму концепции экосистем предпринимательства (Spigel, Harrison, 2018; Stam, 2015).

Формирование позитивной оценки населением РУПД – комплексный процесс, который неоднозначно реагирует на внешние воздействия (Образцова, 2013; Образцова и др., 2017). При этом демографические и экономические характеристики индивида, а также его субъективные (часто – предвзятые) представления значимо коррелируют с решением человека стать предпринимателем, т.е. с уровнем ПА (Minniti, Agenius, 2005).

При этом в отечественной литературе нет надежных оценок динамики развития предпринимательства в России за длительный период времени. Между тем в развитии предпринимательского сектора населения обычно наблюдаются некоторые долгосрочные тренды, без учета которых выводы любого анализа текущих данных становятся сомнительными.

В настоящей статье авторы решают три задачи: 1) проанализировать общую динамику развития ПД населения в России примерно с 2005 г.; 2) провести типологизацию российских регионов по социально-экономическому контексту для ПД; 3) выявить индивидуальные параметры, которые в соответствующих типах регионов оказывают наибольшее влияние на экономический выбор взрослых трудоспособных индивидов в пользу предпринимательства.

3. База данных и методология исследования

Объект проведенного исследования – совокупность взрослого трудоспособного населения России, которое может быть участником ПД, в группировке по территориям РФ. Информационной базой исследования стали данные Росстата с января 2005 по март 2020 г., включая статистику российских регионов, статистику бизнес-демографии и микроданные «Всероссийского обследования домашних хозяйств» (ВОБДХ) Росстата.

Показатели бизнес-демографии позволили проанализировать динамику уровня «рождаемости» и «смертности» бизнеса, а также коэффициента расширения предпринимательского потенциала в РФ и в субъектах РФ. Статистика бизнес-демографии ведется в настоящее время Росстатом для РФ в целом и субъектов РФ ежемесячно и охватывает всех субъектов РФ за период с января 2005 по 2020 г. Коэффициент рождаемости организаций представляет собой отношение числа зарегистрированных бизнесов к среднему числу активных бизнесов, учтенных органами государственной статистики в отчетном периоде, в расчете на 1000 организаций, характеризует абсолютную интенсивность предпринимательского старта. Коэффициент смертности организаций представляет собой отношение числа прекративших экономическую деятельность и/или официально ликвидированных организаций за отчетный период к среднему числу активных организаций, учтенных органами государственной статистики, в расчете на 1000 организаций. Коэффициент расширения предпринимательского потенциала (ПП) представляет собой соотношение числа зарегистрированных к числу ликвидированных организаций за отчетный период. Он показывает, сколько «рождений» новых/зарегистрированных предприятий было зарегистрировано в отчетном периоде в расчете на сто «умерших» (ликвидированных) малых предприятий, т.е. отражает тенденцию роста или сокращения популяции предпринимателей. Значение коэффициента расширения предпринимательского потенциала меньше

100 указывает на снижение ПП (Образцова, 2017).

На основе опубликованных данных статистики бизнес-демографии (Росстат, 2018) были построены динамические ряды помесечных и годовых данных по указанным показателям для РФ и субъектов РФ. Затем методом скользящей средней была исключена сезонная компонента. На основе полученных рядов проанализировано изменение параметров предпринимательского старта в России с 2005 по 2020 г. – за 15 лет нового этапа реализации политики поддержки ПА населения и МСП.

Для выделения однородных групп субъектов РФ по типу социально-экономического контекста ПА использовалась типология российских территорий, основанная на широком спектре статистических показателей социальных, экономических, институциональных и других условий в регионе, которая была детально изложена в (Образцова, Поповская, 2017)².

В качестве единиц группировки регионов на основе однородности значений латентных переменных выделены кластеры регионов. Они построены на основе измерения сходства и различия между ними факторов внешнего контекста ПД. Состав таких факторов оставался стабильным в течение всего периода наблюдения: так, коэффициент вариации для региональных коэффициентов рождаемости организаций изменялся в пределах выделенных кластеров от 10 до 30% (рис. 1).

Первый фактор объединил показатели стабильности региональной экономики и показатели доходов и потребления населения. Положительные нагрузки этих показателей на фактор позволили интерпретировать его как комплексную переменную «благополучия» регионального социально-экономического контекста. Второй фактор по статистической структуре можно интерпретировать как показатель «Инвестиционных проблем» (из-за отрицательных факторных нагрузок на входящие переменные, которые характеризуют инвестиционную активность). Третий фактор

типологизации – показатель «Социальных проблем» – построен на показателе состояния социального компонента регионального контекста ПД; его значение тем выше, чем ниже уровень благосостояния населения и чем более напряженной является ситуация на региональном рынке труда. Группировка российских регионов позволила получить для всего периода наблюдения с 2005 по 2020 г. три кластера субъектов РФ.

Первый кластер субъектов РФ по характеру РУПД детерминирован однородностью высоких значений латентной переменной «Благосостояние» (ось X) для шести успешных регионов, среди которых – города Москва и Санкт-Петербург, Московская и Тюменская области, а также Ямало-Ненецкий и Ханты-Мансийский автономные округа. Все остальные субъекты РФ имеют низкие значения первого фактора, т.е. характеризуются неблагоприятным социально-экономическим контекстом РУПД и различаются по характеру доминирующих в регионе проблем: социальных или инвестиционных. В области высоких значений латентной переменной «Инвестиционные проблемы» (ось Y) находится второй кластер: он состоит из 43 субъектов РФ, которые характеризуются низкими значениями по оси «Благосостояние» и значительной вариацией по оси «Социальные проблемы». Вытянутое по оси Y облако из 36 региональных единиц в области высоких значений латентной переменной «Социальные проблемы» (ось Z) формирует третий кластер, характеризующийся значительными социальными проблемами, при низких значениях переменной благосостояния и умеренной вариации уровня инвестиционных проблем (см. рис. 1 полной версии статьи на сайте журнала, где дана группировка регионов РФ по указанным трем кластерам).

Приведенные результаты анализа распределения регионов послужили основанием для формулировки приведенных ниже гипотез нашего исследования.

Гипотеза Н1. Набор индивидуальных факторов предпринимательского старта зави-

² Полную версию статьи см. на сайте ЖНЭА.

сит от внешнего социально-экономического контекста ПД в регионе.

Гипотеза Н2. Индивидуальный признак, стимулирующий вовлечение населения в предпринимательство в определенных контекстуальных условиях, может оказывать противоположное воздействие в другом социально-экономическом контексте.

Гипотеза Н3. Возможность получения заемных средств положительно коррелирует с готовностью к старту предпринимательской деятельности в неблагополучных регионах с преобладанием инвестиционных проблем.

Гипотеза Н4. В неблагополучных в социально-экономическом отношении регионах рост образовательного уровня тормозит вовлечение населения в ПД.

Гипотеза Н5. В благополучном в социально-экономическом отношении регионе рост образовательного уровня стимулирует вовлечение населения в ПД.

Гипотеза Н6. В благополучном в социально-экономическом отношении регионе наличие собственности и/или ценных бумаг в семье является фактором, препятствующим старту предпринимательской деятельности.

Гипотеза Н7. В неблагополучном регионе с преобладанием инвестиционных проблем наличие собственности и/или ценных бумаг в семье положительно коррелирует с готовностью к старту предпринимательской деятельности.

Гипотеза Н8. В неблагополучном социально-экономическом контексте представители более старших возрастов меньше склонны к ПД.

Источником информации для статистического оценивания гипотез Н1–Н7 послужили микроданные ВОБДХ Росстата (Росстат, 2019) за 2016 и 2017 г. В нашем исследовании единицей наблюдения являлись взрослые трудоспособные индивиды в возрасте от 16 лет и старше. Единицы наблюдения были сгруппированы сначала по регионам, а затем по типам

региональных социально-экономических контекстов. В качестве контролируемых переменных использовались ответы респондентов на вопросы обследования по формам 060341, 0603040 и 0603015³.

Поскольку классифицирующая переменная не содержит информации для построения функции предпочтения (ни о сравнимом объеме отработанных часов в предпринимательстве на основной и/или дополнительной работе, ни о сумме полученного дохода), было признано более корректным рассматривать вовлеченность в ПД в номинальной шкале. В таких случаях для анализа факторов классификации используется модель линейного дискриминанта по Фишеру (ЛДФ). Эта модель позволяет решить задачу классификации объектов на основании набора факторных признаков – значений контролируемых переменных (Fisher, 1936; McLachlan, 2004). Подробное описание аналитических возможностей и процедуры применения ЛДФ в исследованиях предпринимательства приведено в (Образцова, Полякова, Поповская, 2017).

Полученные результаты позволили проанализировать и сравнить между разными региональными типами социально-экономического контекста факторы и условия, стимулирующие или, наоборот, тормозящие старт предпринимательской деятельности.

4. Обсуждение полученных результатов исследования

4.1. Анализ динамики предпринимательского старта в РФ с января 2005 по март 2020 г.

Проведенный анализ показал, после исключения сезонной компоненты, что в периоде наблюдения явно выделяются три интервала: с 2005 по июль 2011 г. рождаемость превалировала над смертностью, с 2011 г. соотношение рождаемости и смертности становится неустойчивым, предпринимательский потенциал в РФ то расширяется, то сокращается, затем, после кратковременного всплеска

³ Подробное описание методики подготовки и обработки базы данных можно найти в полном тексте статьи на сайте ЖНЭА.

в 2015 г., он резко падает, и расширение потенциала уже устойчиво сменяется его сокращением (рис. 1). На рисунке можно увидеть, что с июня 2017 до марта 2020 г. наблюдается снижение числа МП в два раза и более; в некоторые месяцы (например, зимой 2018/2019 г.) предпринимательский потенциал России сокращался почти в четыре раза. Это свидетельствует об устойчивом и значимом оттоке населения из предпринимательства в течение последних трех лет еще до начала пандемии коронавируса и связанных с этим шоковых изменений экономических условий.

Среднегодовое значение коэффициента расширения предпринимательского потенциала и стандартное отклонение среднего представлено в табл. 1.

На рис. 2 можно увидеть, что снижение прироста числа МП в течение всего периода

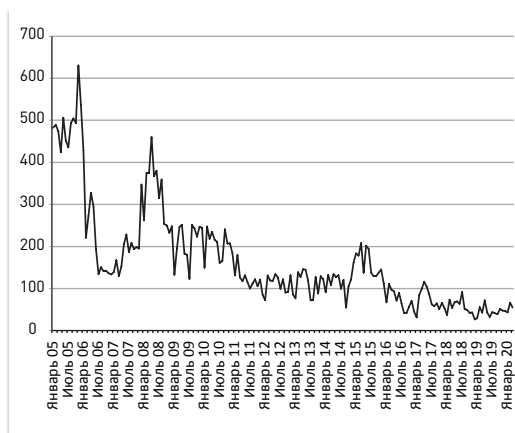

Рис. 1

Относительная интенсивность предпринимательского старта в РФ с января 2005 по март 2020 г. (сезонность устранена), тыс. единиц

Источник: расчеты авторов по данным статистики бизнес-демографии Росстата

Таблица 1

Динамика среднегодового значения коэффициента расширения предпринимательского потенциала

Год	Среднегодовое значение коэффициента повышения ПП ($k_{расп.}$), без сезонности, на 100 умерших МП	Стандартное отклонение коэффициента повышения ПП ($k_{расп.}$), без сезонности, на 100 умерших МП
2005	493,310	53,391
2006	214,633	96,687
2007	195,993	56,069
2008	323,192	72,952
2009	209,898	46,602
2010	203,562	32,133
2011	120,616	23,051
2012	110,053	21,023
2013	113,615	28,391
2014	115,526	26,905
2015	157,880	32,918
2016	70,798	22,818
2017	72,852	24,925
2018	55,657	18,051
2019	45,218	11,137
2020 (январь–март)	54,812	11,555

Источник: расчеты авторов по данным статистики бизнес-демографии Росстата.

наблюдения было обусловлено как снижением рождаемости, так и в особенности быстрым ростом смертности. Причем если до июля 2016 г. процессы рождаемости и смертности МП шли в одном направлении, и рождаемость превышала смертность, то с середины 2016 г. смертность начала расти опережающими темпами, одновременно сопровождаясь снижением рождаемости, а разрыв между уровнем рождаемости и смертности вырос (в некоторые месяцы – до шести раз).

С 2016 по 2019 г. среднегодовое снижение абсолютной интенсивности предпринимательского старта в РФ составляло 7,4%, а в некоторых субъектах более 20% (рис. 3). В социально-экономическом контексте благополучных регионов среднегодовое снижение было в этот период наименьшим среди субъектов РФ: в Санкт-Петербурге оно составило 11%, в Тюменской области, Ханты-Мансийском

и Ямало-Ненецком округах – около 8%, в Москве – 5%. Только в Московской области наблюдалось незначительное оживление предпринимательского старта (+3,7%).

В субъектах РФ с неблагоприятным социально-экономическим контекстом складывалась иная ситуация. Из 43 неблагоприятных регионов с преобладанием инвестиционных проблем лишь в Хакасии темп прироста рождаемости МСП составил значимые 11,8%, в шести регионах он не отличался статистически значимо от нуля, а в остальных наблюдалось значимое снижение интенсивности предпринимательского старта (в Калининградской и Мурманской областях оно составило более 20%).

Из 36 неблагоприятных регионов с преобладанием социальных проблем выделяется Ленинградская область, где интенсивность предпринимательского старта в течение по-

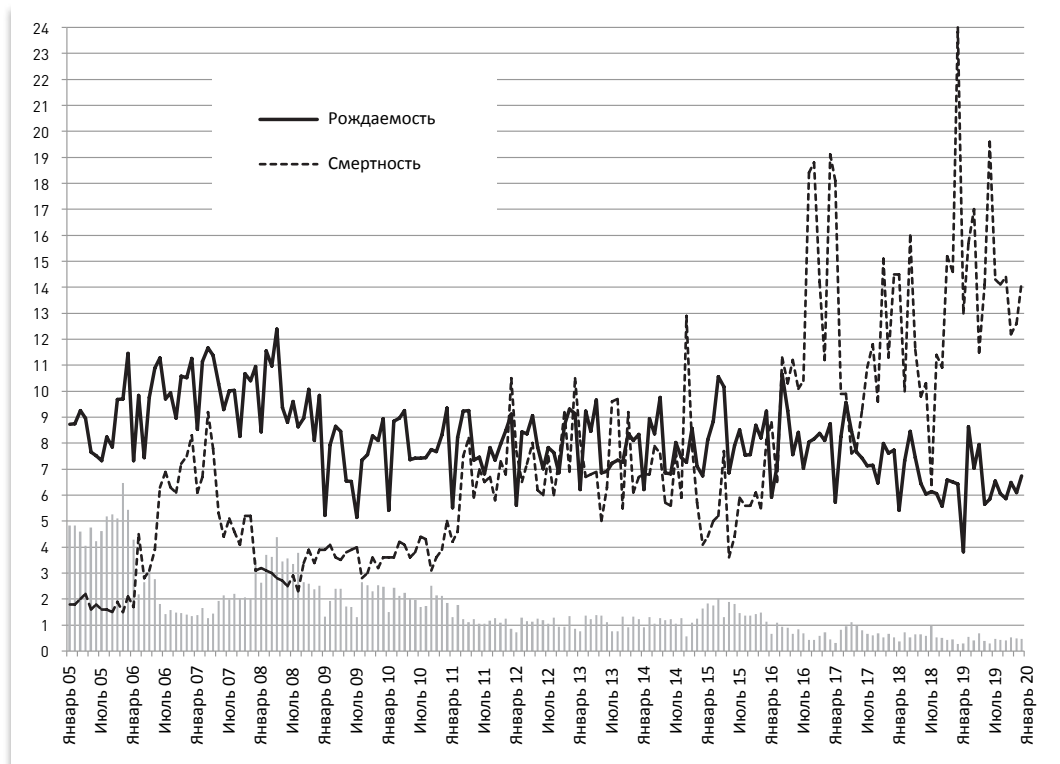

Рис. 2

Динамика рождаемости и смертности МП в РФ (на 1000 активных предприятий) и соотношение рождаемости и смертности в 2005–2020 гг.

Примечание. На гистограмме показано кратное соотношение рождаемости и смертности.

Источник: расчеты авторов по данным статистики бизнес-демографии Росстата.

следних трех лет росла в среднем на 24,6% в год, и Республика Крым, где, после всплеска активности нарождающегося предпринимательства в 2015 г., начался ее ускоряющий спад (в 2016–2019 гг. он составлял 23,8% в год). В десяти субъектах третьего контекстуального типа среднегодовой темп прироста интенсивности предпринимательского старта в течение последних трех лет не отличался статистически значимо от нуля, а в остальных 13 регионах (кроме Ингушетии) наблюдалось значимое снижение этого показателя.

4.2. Индивидуальные факторы вовлеченности индивидов в ПД в контекстуальных условиях региона: результаты моделирования

После группировки единиц наблюдения в подготовленной базе данных по признаку социально-экономического контекста в регионе

проживания, для каждого из трех типологических подмножеств было проведено оценивание различий значений предполагаемых предикторов между тремя группами респондентов: вовлеченными (в основной или вторичной занятости) и не вовлеченными в ПД. В табл. 2–4 представлены результаты тестирования различий по контекстуальным типам регионов и по тем переменным, для которых различия между непредпринимателями и предпринимателями двух групп нельзя считать случайными. Все построенные модели значимы: для регионов первого типа значимость 1-й дискриминантной функции составляет 0,033; для регионов второго типа – 0,000; для регионов третьего типа – 0,002. Нормированные коэффициенты предикторов дискриминантной функции (табл. 2–4) позволяют оценить направление и силу воздействия каждого предиктора и являются основой интерпретации модели.

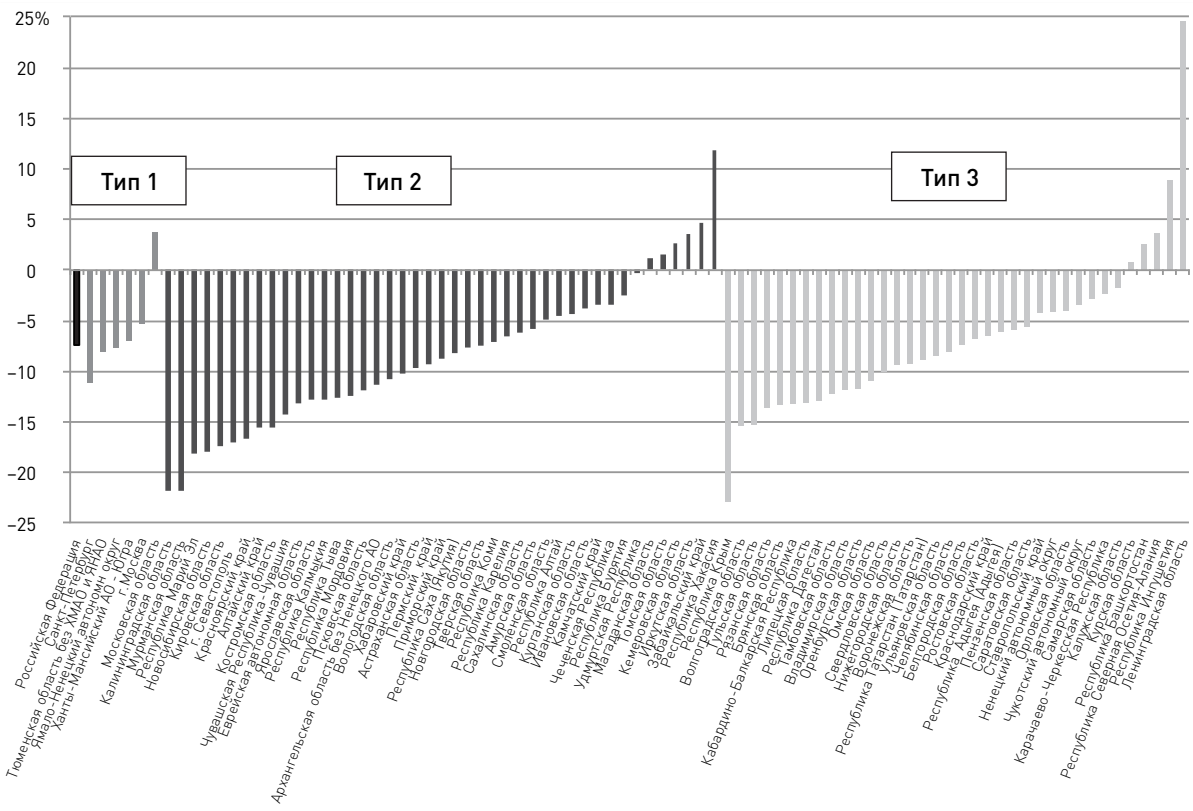

Рис. 3

Среднегодовой темп прироста коэффициента рождаемости МП в РФ и субъектах РФ, в 2016–2019 гг., %

Источник: расчеты авторов по данным статистики бизнес – демографии Росстата.

Данные табл. 2–4 подтверждают, что число, состав, значимость и направление воздействия индивидуальных признаков – факторов различается в зависимости от контекстуального типа региона. Следовательно, гипотеза Н1 подтверждена.

Наиболее сложную структуру имеет дискриминант для регионов второго типа (9 предикторов), наиболее простую – для регионов первого типа (5 предикторов). Представляется, что в благополучном социально-экономическом контексте индивиду проще принять решение начать ПД, а контекстуальные условия с преобладанием значительных инвестиционных проблем максимально затрудняют такое решение. Только материальное положение семьи является индивидуальным фактором, стимулирующим вовлечение в ПД во всех типах регионального контекста. Однако и он вносит разный по значимости вклад в дискриминирующую функцию, будучи самым значимым и исключительно важным в субъектах второго типа, незначительно отличающимся в субъектах первого типа и наименее влияющим на вовлечение в ПД в субъектах третьего типа. Наличие собственности и/или ценных бумаг в семье, вторичной занятости и уровень образования в регионах разного типа действуют на вовлечение в ПД в разном направлении: тормозят его в одних случаях и стимулируют – в других. Таким образом, гипотеза Н2 подтвердилась.

В регионах первого типа (табл. 2) главным стимулом вовлечения в ПД является материальное положение семьи. Это объясняет описанное выше снижение интенсивности начала ПД в этих субъектах РФ за последние годы: ведь в течение последних трех лет материальное положение россиян в основном ухудшалось. На втором месте по значимости – фактор проживания в крупном городе; для Московской области (большое количество быстро растущих и уже сравнительно крупных городов) именно он оказал наибольшее воздействие на рост вовлечение в ПД и, соответственно на рождаемость МП. Менее значимыми стимулирующими вовлечение в ПД факторами являются уровень образования (этот фактор повышает самооценку предпринимательских способностей у индивидов) и наличие вторичной занятости (возможно, как дополнительный источник дохода, необходимый в случае так называемого гибридного предпринимательства (Folta et al., 2010)). Наличие собственности и/или ценных бумаг в семье – как альтернативная форма инвестирования – является барьером для ПД: судя по всему, сопоставление рисков ведения собственного бизнеса и возможностей для альтернативного повышения уровня благосостояния в нынешних условиях в сравнительно благополучных регионах таковы, что сравнительно обеспеченная часть населения здесь предпочитает роль рантье. Следовательно, гипотезы Н5 и Н6 подтверждаются.

Таблица 2

Стимулы и барьеры для вовлечения индивидов в ПД (основная занятость) – регионы первого контекстуального типа

Тип регионального контекста	Предикторы X_i	Нормированный контекст 1-й дискриминантной функции
Благополучные регионы	Материальное положение семьи	0,698
	Размер города проживания	0,543
	Вторичная занятость	0,392
	Образование	0,325
	Наличие собственности и/или ценных бумаг в семье	-0,561

Источник: расчеты авторов по микроданным ВОБДХ Росстата.

В регионах второго и третьего типа (табл. 3–4) главным стимулом вовлечения в ПД является наличие собственности и /или ценных бумаг в семье, которые, очевидно, отражают высокий статус и облегчают ведение ПД даже в неблагоприятных для нее условиях. Это подтверждает гипотезу Н7. В регионах второго типа с меньшей значимостью стимулирует рост вовлечения в ПД также наличие опыта финансовых операций, материальное положение семьи и возможность получения заемных средств: все эти характеристики свидетельствуют о высоком социальном и экономическом капитале соответствующей части населения, что в теории предпринимательства рассматривается как один из важных предикторов начала ПД (т.е. гипотеза Н3 подтвердилась). Признаки-стимулы тем или иным образом связаны с возможностью решения инвестиционных проблем, которые преобладают в регионе и которые непременно должны быть решены для успешного открытия собственного бизнеса. Образование, возраст, наличие вторичной занятости, наличие опыта закрытия собственного бизнеса в течение последних

четырёх кварталов и экономическая нагрузка в семье препятствуют позитивной оценке возможности заняться ПД – первые два из них способствуют формированию негативного взгляда на экономическую ситуацию в регионе проживания, поскольку более умудренные жизнью и образованные лица лучше представляют себе уровень рисков и барьеры для развития предпринимательства в регионе своего проживания. Последние же четыре фактора свидетельствуют либо о наличии альтернативных источников повышения благосостояния, либо о высоком уровне экономической нагрузки и/или эмоциональном выгорании после закрытия бизнеса, что не позволяет индивидам рассматривать предпринимательство как приемлемую для себя форму экономической активности.

В регионах третьего типа лишь два факторных признака стимулируют вовлечение в ПД: наличие собственности и /или ценных бумаг в семье и материальное положение семьи, что было уже отмечено выше. Состав барьеров для вовлечения в ПД в регионах третьего типа и второго типа также совпадает,

Таблица 3

Стимулы и барьеры для вовлечения индивидов в ПД (основная занятость) – регионы второго контекстуального типа

Тип регионального контекста	Предикторы X_i	Нормированный коэффициент 1-й дискриминантной функции
Неблагополучные регионы с преобладанием инвестиционных проблем	Наличие собственности и /или ценных бумаг в семье	0,964
	Наличие опыта финансовых операций	0,278
	Возможность получения заемных средств	0,186
	Материальное положение семьи	0,124
	Образование	-0,178
	Вторичная занятость	-0,156
	Возраст	-0,109
	Закрытие собственного бизнеса в течение последних четырех кварталов	-0,074
	Экономическая нагрузка в семье	-0,061

Источник: расчеты авторов по микроданным ВОБДХ Росстата.

Таблица 4

Стимулы и барьеры для вовлечения индивидов в ПД (основная занятость) – регионы третьего контекстуального типа

Тип регионального контекста	Предикторы X_i	Нормированный коэффициент 1-й дискриминантной функции
Неблагополучные регионы с преобладанием социальных проблем	Наличие собственности и / или ценных бумаг в семье	0,995
	Материальное положение семьи	0,175
	Закрытие собственного бизнеса в течение последних четырех кварталов	-0,444
	Возраст	-0,389
	Образование	-0,332
	Экономическая нагрузка в семье	-0,138
	Возможность получения заемных средств	-0,094

Источник: расчеты авторов по микроданным ВОБДХ Росстата.

различаются только их нагрузки на дискриминантную функцию. При преобладании социальных проблем наличие вторичной занятости, наличие опыта закрытия собственного бизнеса в течение последних четырех кварталов и высокая экономическая нагрузка в семье являются барьерами для принятия предпринимательских рисков, а рост уровня образования и возраст повышают возможности для наемной занятости. Следовательно, гипотезы Н4 и Н8 подтверждаются.

Таким образом, все гипотезы Н1–Н8 получили подтверждение на построенной базе первичных данных.

5. Основные выводы и рекомендации

В России на протяжении последних трех лет наблюдается устойчивое и значимое снижение уровня ПД и сокращение сектора МСП. Хотя некоторым представляется, что в этом выражается специфика экономики России (Чигрин, 2018), но, на наш взгляд, это скорее – свидетельство серьезных системных сбоев в функционировании экономики, отторгающей низовую предпринимательскую активность и инициативу, что чревато дальнейшим огосударствлением и монополизацией. Понятно, что такая общая тенденция в той

или иной степени воспринимается потенциальными предпринимателями при принятии решения о том, создавать ли собственный бизнес или сосредоточиться на иных формах экономической активности.

При этом каждый тип социально-экономического контекста формирует разные траектории развития предпринимательства под влиянием тех или иных индивидуальных факторов. В зависимости от типа контекста на принятие индивидом решения о начале ПД различные индивидуальные обстоятельства и условия жизни домашнего хозяйства оказывают значимое влияние, причем часто не только в разной степени, но даже в разных направлениях.

При общем снижении материального благосостояния так называемого среднего класса в сравнительно благополучных регионах здесь перестают действовать такие самые важные предикторы предпринимательской активности – как материальное положение семьи и проживание в крупном городе. В контексте ожидаемого воздействия пандемии коронавируса представляется, что здесь будет усиливаться значимость причин, побуждающих население к вынужденному предпринимательству, а также весь шлейф сопровождающих последствий – переход предпринимателей к само-

занятости, увеличение доли неформального и гибридного предпринимательства. В этом смысле ситуация в благополучных до той поры субъектах РФ будет сближаться с ситуацией в регионах с неблагоприятным инвестиционным климатом и устойчивыми социальными проблемами.

В регионах с преобладанием инвестиционных проблем, где факт наличия собственности и /или ценных бумаг в семье положительно коррелирует с ПД, скорее всего, может измениться значимость барьеров. Так, в обозримой перспективе здесь сузятся возможности для вторичной занятости, и возрастет экономическая нагрузка на бюджет семьи. В этом смысле они, скорее всего, еще больше сближаются по условиям ведения бизнеса и набору факторов, способствующих/препятствующих ПД, с регионами, отличающимися наличием устойчивых социальных проблем.

Особенности регионального контекста определяют барьеры и стимулы для вовлечения в ПД. И, следовательно, их следует учитывать при разработке мероприятий государственной поддержки предпринимательства. Как представляется, в ближайшее время (один-два года) в России сформируются два кластера регионов: небольшая группа субъектов РФ с развитой финансовой, образовательной и логистической инфраструктурой, т.е. с более или менее развитой экосистемой предпринимательства на региональном уровне (Земцов, Бабурин, 2019), но с пониженной склонностью населения к добровольному предпринимательству. Здесь, скорее, могут сработать «вовлекающие» меры государственной политики – поддержка предпринимательских университетов, промышленная политика содействия выживанию и развития отраслевых цепочек с высокой добавленной стоимостью, в которых найдется место как потенциальным «газелям», так и микро- и малому бизнесу, льготы для МСП в сфере экономики впечатлений и др.

Что касается второй группы регионов, куда войдет подавляющая часть субъектов РФ, то здесь, скорее всего, могут сработать меры «подталкивающего» характера, способствующие поддержке лиц, вынужденных обратиться

к предпринимательству в силу отсутствия как альтернативных возможностей занятости, так и внешних благоприятных условий для развития добровольного предпринимательства. К их числу мы бы отнесли содействие развитию микрофинансирования, формирование региональными и местными властями площадок для размещения небольших бизнесов, содействие самозанятости, а также, возможно, ослабление мер фискального контроля в отношении неформального предпринимательства. Поскольку в большинстве этих регионов не сложилась экосистемы предпринимательства, здесь трудно рассчитывать на значимые эффекты с точки зрения вклада МСП в региональный ВРП. Однако роль ПД населения может быть исключительно высокой для снятия напряжений на рынке труда и в социальной сфере.

Разумеется, все предложенное может быть реализовано только при переходе от чиновничье-бюрократической системы «государственной поддержки предпринимательства» к «умной» политике содействия предпринимательству и малому бизнесу – с обязательным участием в ее разработке и осуществлении ассоциаций, представляющих интересы самого малого бизнеса, независимой системой мониторинга и оценки результативности, построенной на принципе субсидиарной ответственности.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

- Барина В.А., Земцов С.П., Царева Ю.В.** (2018). Предпринимательство и институты: есть ли связь на региональном уровне в России? // *Вопросы экономики*. № 6. С. 92–116. [**Barinova V.A., Zemtsov S.P., Careva Y.V.** (2018). Entrepreneurship and institutions: Does the relationship exist at the regional level in Russia? *Voprosy Ekonomiki*, 6, 92–116 (in Russian).]
- Земцов С.П., Бабурин В.Л.** (2019). Предпринимательские экосистемы в регионах России // *Региональные исследования*. № 2. С. 4–14. [**Zemtsov S.P., Baburin V.L.** (2019). Entrepreneurial ecosystems in the Russian regions. *Regional Studies*, 2, 4–14 (in Russian).]

- Образцова О.И.** (2013). Межрегиональные сопоставления ранней предпринимательской активности россиян в терминах пространственной статистики // *Вестник университета. Теоретический и методический журнал* (ГУУ). № 17. С. 139–148. [**Obraztsova O.I.** (2013). Interregional comparisons of the early entrepreneurial activity of Russians in terms of spatial statistics. *Vestnik Universiteta. Scientific and Methodological Journal* (Vestnik GUU), 17, 139–148 (in Russian).]
- Образцова О.И.** (2017). Статистика бизнес-демографии: международный стандарт и перспективы развития в Российской Федерации. СПб.: Эко-Век. [**Obraztsova O.I.** (2017). Business demography statistics: international standard and development prospects in the Russian Federation. Saint Petersburg: Eko-Vek (in Russian).]
- Образцова О.И., Полякова Т.Н., Поповская Е.В.** (2017). Выбор источника инвестиций ранним предпринимателем в переходной экономике: возможности прогнозирования // *Форсайт*. № 11 (3). С. 71–81. DOI: 10.17323/2500-2597.2017.3.71.81 [**Obraztsova O.I., Polyakova T.N., Popovskaya E.V.** (2017). The choice of funding sources for start-ups in a transitional economy: The ability to predict in a national context. *Foresight*, 11 (3), 71–81. DOI: 10.17323/2500-2597.2017.3.71.81 (in Russian).]
- Образцова О.И., Поповская Е.В.** (2017). Опыт применения многомерного статистического анализа для характеристики контекстуальных условий предпринимательской деятельности в регионах РФ // *Социологические исследования*. № 4. С. 93–106. DOI: 10.17323/2500-2597.2017.3.71.81 [**Obraztsova O.I., Popovskaya E.V.** (2017). Experience of using the multivariate statistical analysis for characterizing of contextual conditions of entrepreneurial activity in Russian regions. *Sociological Studies (Socis)*, 4, 93–106. DOI: 10.17323/2500-2597.2017.3.71.81 (in Russian).]
- Росстат (2018). Организационные и методологические положения по обследованию домашних хозяйств. Режим доступа: <https://www.gks.ru/folder/13397> [Federal State Statistic Service (2018). Methodological guidelines for household surveys. Available at: <https://www.gks.ru/folder/13397> (in Russian).]
- Росстат (2019). Система доступа к результатам обследований. Электронный ресурс. <https://obdx.gks.ru/> [Federal State Statistic Service (2019). System of access to survey results. Available at: <https://obdx.gks.ru/> (in Russian).]
- Чигрин А.Д.** (2018). Малый бизнес и конкурентоспособность России – нетрадиционная трактовка // *Журнал Новой экономической ассоциации*. № 39 (3). С. 110–126. [**Chigrin A.D.** (2018). Small business and the competitiveness of Russia: An unconventional view. *Journal of the New Economic Association*, 39 (3), 110–126 (in Russian).]
- Aidis R., Estrin S., Mickiewicz T.** (2008). Institutions and entrepreneurship development in Russia: A comparative perspective. *Journal of Business Venturing*, 23 (6), 656–672.
- Eurostat (2020a). Annual enterprise statistics by size class for special aggregates of activities (NACE Rev. 2). Available at: https://appsso.eurostat.ec.europa.eu/nui/show.do?dataset=sbs_sc_sca_r2&lang=en
- Eurostat (2020b). Population on 1 January. Available at: <https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/tps00001/default/table?lang=en>
- Fisher R.A.** (1936). The use of multiple measurements in taxonomic problems. *Annals of Eugenics*, 7, 179–188.
- Folta T.B., Delmar F., Wennberg K.** (2010). Hybrid entrepreneurship. *Management Science*, 56, 2, 253–269.
- McLachlan G.J.** (2004). *Discriminant analysis and statistical pattern recognition*. Hoboken: Wiley Interscience.
- Minniti M., Arenius P.** (2005). Perceptual Variables and Nascent Entrepreneurship. *Small Business Economics*, 24 (3), 233–247.

- Spigel B., Harrison R.** (2018). Toward a process theory of entrepreneurial ecosystems. *Strategic Entrepreneurship Journal*, 12 (1), 151–168.
- Stam E.** (2015). Entrepreneurial ecosystem and regional policy: A sympathetic critique. *European Planning Studies*, 23 (9), 1759–1769.
- Welter F.** (2011). Contextualizing entrepreneurship – conceptual challenges and ways forward. *Entrepreneurship Theory and Practice*, 1, 165–184.
- Zahra S.A., Wright M., Abdelgawad S.G.** (2014). Contextualization and the advancement of entrepreneurship research. *International Small Business Journal*, 32 (2), 479–500.

Поступила в редакцию 22.05.2020

Received 22.05.2020

O.I. Obraztsova

Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia

A.Yu. Chepurenko

National research university – Higher School of Economics / Institute of Sociology of RAS, Moscow, Russia

Entrepreneurial activity in Russia and its cross-regional differences

Abstract. The paper analyses the dynamics of business activity of the Russian population from 2005 to the present time, as well as persistent differences in its level between different groups of Subjects of the Russian Federation basing on the statistics of small and medium-sized enterprises and business statistics. It is shown that in Russia, there were three types of regions with specific sets of factors that contribute to and hinder the development of entrepreneurial activity of the population before to the shock macroeconomic changes associated with the coronavirus pandemic, namely, (a) six subjects of the RF favorable conditions, as well as two roughly equal large groups of (b) regions with a low level of investment activity and (c) regions with high levels of socio-economic disadvantages. A set of factors that act as predictors or limitations for entrepreneurial activity in these different groups are analyzed. The authors suggest that due to the shock economic changes under the coronavirus pandemic, the last two groups will almost merge according to the conditions and factors of entrepreneurial activity, while the factors that are important for starting business activities in the first group of regions will significantly weaken. Taking into account the above differences, two approaches to promoting entrepreneurial activity for different groups of regions are proposed – «involving» for six subjects of the Russian Federation with a relatively developed ecosystem of entrepreneurship and «pushing» for the majority of the rest of them.

Keywords: *entrepreneurial activity; entrepreneurial start-up; cross-regional comparisons; Russia.*

JEL Classification: C490, J130, M130, M290, R120, R130.

DOI: 10.31737/2221-2264-2020-46-2-12